СЛОВО О ГАГАРИНЕ

«Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением...»

Юрий ГАГАРИН

ТАКОЙ живой, энергичный, улыбчивый был человек, столько было в нем солнца, света, так несовместим был он со смертью, что казалось — Гагарин будет всегда, всегда рядом. Ведь мы все очень привыкли к нему.

Я хожу около его бюста на аллее Космонавтов и слышу, как причитает в плаче старушка: «Что же ты наделал, сынок...». Много людей стоит вокруг. Просто стоят и смотрят в его каменное лицо. Прощаются.

Гагарина все любили. Среди наших современников не было человека, которого так хорошо знали бы и так искренне любили народы нашей планеты. Когда в 1961 году в городе Уджда на границе Марокко у торговца Мохаммеда Эт-Таджа родился мальчик, он назвал его: Гагарин. Сейчас он уже, наверное, пошел в школу — Гагарин Эт-Таджа. В Шотландии, на окраине Эдинбурга, в мясной лавчонке я видел маленький гагаринский портрет. Ночью в каирской кофейне три сонных араба, глухо ударяя в длинные, блестящие от тысяч прикосновений барабаны, пели песню, в припеве которой незнакомым гортанным клекотом звучала его фамилия: «Гаа... гарринг. Гаа... гарринг...». На любом материке он мог постучаться в любую дверь и войти. И везде он был бы первым гостем.

Объясняя эту любовь, говорили: «Он молод, красив, у него такая улыбка»... Это так, но этого было бы мало, недостаточно. Люди любили его как предвозвестника будущего. Он, годящийся во внуки солдатам Октября, олицетворял для планеты победившую Революцию. Он, мальчонкой изгнанный гитлеровцем из родной хаты, олицетворял Победу над фашизмом. Он, первым поднявшийся в космос, олицетворял и овеществлял абстрактные понятия: Мир, Знание, Прогресс. Он, наверное, всех нас олицетворял, и крупицы любви, предназначавшиеся многим, собрались в большую любовь к нему.

А для соотечественников это был родной человек. Даже ни разу не видевшие его люди называли его Юра. В нем каждый находил чуть-чуть себя. Мальчишки видели босоногого сорванца, таскавшего пескарей из деревенской речки. Студенты — совсем недавнего однокашника, корпящего над дипломом. Рабочие — своего товарища, литейщика: руки в формовочной земле, сует запястье, когда здоровается. Военные — работягу-лейтенанта с северного аэродрома, который делил с ними соленый ратный хлеб.

Он изведал и военную голодуху, и «комфорт» студенческих общежитий, и бессонные ночи счастливого отцовства. В своей книжке он цитировал поэта: «Я люблю, когда в доме есть дети и когда по ночам они плачут». Это всем нам знакомо. Рыбалку любил. Есть фотография: в осоке в прилипших к телу трусах, радостный, замерзший, поднял кукан с рыбинами. Он, сын крестьянина, пришел из космоса на Землю весной, опустился на поле, и первые люди, которые встретили его, были колхозники. Они сеяли, исполняли древнейшую на земле работу, когда увидели человека в оранжевом скафандре — человека самой молодой земной профессии. Он очень торопился тогда, спешил к телефону, стремясь успокоить человечество благополучным своим приземлением, но все-таки спросил:

— А вы уже сеете?

Прежде чем стать Героем, для того чтобы стать им, он жил, как мы, рядом с нами, среди нас. А став Героем, не изменился, в общем-то. Просто жил теперь на виду. Поэтому он родной для нас человек. Поэтому так нестерпимо больно сегодня.

Я увидел его первый раз в ту секунду, когда он во Внукове вышел из самолета и, быстро сбежав по трапу, зашагал к трибуне ровно, бодро, точно в ритме марша «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». Он шагал, а я думал: «Так вот он какой, этот майор, который стал бессмертным за 108 минут...» И тут я увидел, что шнурок на его ботинке развязался, и все увидели это, и все мы на трехэтажной, гудящей от перегрузок журналистской этажерке замерли, не дыша, беззвучно молясь всем богам: «Не упади!» А он шел и шел. Встал, отрапортовал. Начались объятия. Он как-то смущенно подошел к жене, обнял ее, ткнулся носом в Валину шею...

Как замечательно он ехал по Москве! Не только ликование и веселье — от него шли какие-то волны жизнерадостного мироощущения, какого-то творческого оптимизма: «Вот он — живой, здоровый, едет, машет, а ведь где был! Вон, оказывается, что мы можем!». Люди становились увереннее в себе. Мы все стали более гордыми в то утро за свою принадлежность к человеческому званию, к своей стране и к народу, такое дело грандиозное совершившему. Хотелось работать, работать непременно талантливо, делать обязательно значительное. «Братцы, надо быть и нам теперь получше, нынче уже нельзя, как вчера» — вот какой подтекст чудился в том апрельском ликовании. И, может быть, именно от него и получился Праздник.

СТАРШИЙ лейтенант Юрий Гагарин, докладывающий Государственной комиссии на космодроме Байконур о своей готовности к полету, действительно был прекрасно к нему подготовлен. И не только технически, но и морально. Много позднее я спрашивал у него:

— Я все понимаю, ты был уверен в технике, но как ты мог спать накануне старта?! Даже перед трудным экзаменом плохо спишь...

— Что же, значит, сонному лететь, да? — отвечал он на вопрос вопросом. — Надо было спать — и спал. И Герман тоже...

Я тогда не понял этого и сейчас, по правде сказать, не понимаю. Какая-то была в нем простая, ясная дисциплина. Очень сознательная дисциплина. Он охотно подчинялся, когда знал, что люди, приказывающие ему, знают дело лучше, чем знает он, и беспокоятся о нем больше, чем он беспокоится о себе. Когда он спал, Королев так и не мог уснуть. В три часа ночи пришел к ним, подошел на цыпочках к двери, заглянул: спят. Молча ушел. До утра читал журнал. Или делал вид, что читает.

В ТУ ВЕСНУ первый космонавт не был космическим специалистом, он был просто хорошо подготовленным и знающим свое дело космонавтом. Но очень скоро стал таким специалистом. Много написано о находчивости и обаянии Гагарина, а он был еще просто умным человеком. Был в нем цепкий, быстрый русский ум с хитрецой, который и позволил ему очень быстро сделаться зрелым специалистом. С ним советовались конструкторы. Его слушали на ученых советах. Не для парада приглашали в ответственные комиссии. Когда Павел Беляев просил разрешения вручную посадить «Восход-2» и на обдумывание оставались минуты, даже секунды, в этом «блицсовещании» принимал участие и Гагарин. Он как раз и дал команду Беляеву.

Я вспоминаю его на космодроме перед запуском «Союза». Он проводил Владимира Комарова до люка. Потом почти не выходил из комнаты связи. Утром у него были красные от бессонницы глаза.

— Ты спал?

— Да, меня Леонов сменил...

Леонов сменил, но он, наверное, не спал. Уточнять эти «мелочи» было неудобно: говорить о таких вещах не принято на Байконуре, когда в небе корабль с твоим товарищем.

Один из космонавтов говорил мне, что провожать куда волнительнее, чем лететь самому. Наверное, это так, но самому лететь, понятно, тоже нелегко. Палитра переживаний перед стартом сложна, многокрасочна. Гагарин попробовал разобраться в ней. «Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет, — писал Гагарин. — Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?.. Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим»...

Да, он понимал это. Мы, его современники, может быть, иногда не отдавали себе до конца отчета в том, сколь историчен, эпохален этот полет. Гагарина запустили не только в космос, но и в историю. Человечество планеты Земля вступило 12 апреля 1961 года на бесконечный путь к звездам. Начался необратимый процесс заселения межпланетного пространства. Его можно ускорить или замедлить, но остановить невозможно, ибо, как говорили древние римляне, «плавать по морю необходимо». Гагарин пустил часы космической эры землян. И через годы, века, тысячелетия, каким бы крохотным ни показался нам «Восток», какой короткой ни выглядела бы его кругосветная дорога, он — начало всего, всех будущих лунных станций, всех поселений Марса и Венеры, всех звездолетов, всех фотонных ракет с солнечными парусами, всего, о чем мы сегодня еще не догадываемся, что еще ждет часа своего открытия. Так из родника вытекает могучая река, питая безбрежные океаны. Он понимал это.

Но, ощущая масштабность события, он чувствовал, что первый в мире «звездный Колумб», как называли его в газетах, — он еще и космический работник сегодняшнего дня, один из многих, служащих новому делу. Теперь от него требовалось научно-техническое выражение подвига. От него требовалось приземление эпохального события, перевод восторгов исторического витка в систему определений и цифр на потребу задачам насущным, неотложным. Он был первым — и первым испытал то, что было никому еще неведомо: жизнь в мире без тяжести. И долгие часы шли его беседы с конструкторами, инженерами, медиками. Не упуская ни одной детали, ни единого пустяка, вновь и вновь рассказывал он Герману Титову о своих 108 минутах вне Земли. Это — сложная работа. Сложная, потому что не все ощущения можно перевести в слова. Это — благородная работа. Благородная, потому что ни одного недоступного людям закоулка не оставил он в своей памяти. Он отдал другим все: уверенность и сомнения, тяжесть перегрузок и парение невесомости, бездну незнакомого черного неба и красоту внеземных зорь — все, чему научил, что показал, что подарил ему космос. Ничего не оставил себе. И отдавал не раз — многократно, всегда, когда на старт выходили товарищи.

САРАТОВСКАЯ комсомольская газета «Заря молодежи» опубликовала снимок курсанта аэроклуба и назвала его фамилию. Курсант послал газету родителям. Мама написала ему в ответном письме: «Мы гордимся, сынок... Но ты, смотри, не зазнавайся...» Через несколько лет в мире не было ни одной газеты, которая бы не опубликовала его портрета и не назвала бы его имени. После всех испытаний в барокамерах и на центрифугах предстояло ему выдержать едва ли не тягчайшее испытание, ломающее подчас людей очень крепких, — испытание славой.

Все хотели пожать ему руку, улыбнуться ему и увидеть его ответную улыбку. Он роздал тысячи автографов. Где бы ни появлялся он, его окружала ликующая толпа. Я сам видел во время второго Московского международного кинофестиваля, как знаменитые звезды итальянского, американского и французского кино, те самые, которые спускают собак на репортеров, давясь и толкаясь, как на рынке, лезли под фотообъектив, чтобы сфотографироваться с ним. Давайте откровенно: когда вам только двадцать семь лет, это может вскружить голову? Еще как! Гагарин выдержал.

«Газеты и радовали и смущали меня, — откровенно признавался он. — Оказаться в центре внимания не только всей страны, но и всего мира — довольно-таки обременительная штука. Мне хотелось тут же сесть и написать, что дело вовсе не во мне одном, что десятки тысяч ученых, специалистов и рабочих готовили этот полет, который мог осуществить каждый из моих товарищей-космонавтов. Я знал, что многие советские летчики способны отправиться в космос и физически и морально подготовлены к этому. Знал и то, что мне повезло — вовремя родился. Появись я на свет на несколько лет раньше — и не прошел бы по возрасту, родись позже — кто-то бы уже побывал там, куда стремилось все мое существо».

В 1961 ГОДУ Гагарину вручили значок «За отличную работу в комсомоле». Он улыбался тогда и говорил как бы в шутку: «Надо оправдывать теперь... Хлопот прибавится...» Но он не шутил.

Более всех других наших космонавтов, даже тех, кто моложе его, был он связан с молодежью, с комсомолом. Только события чрезвычайные, только дела неотложные могли помешать ему выполнить просьбу комсомола. В здании ЦК ВЛКСМ он не был просто «частым и желанным гостем». Он был здесь частым и нужным другом, советчиком, помощником, членом ЦК комсомола. Сейчас трудно точно сказать, на скольких комсомольских съездах, конференциях, слетах, встречах он был. Надо поднимать протоколы, считать. — А надо ли? Разве забудут его парни и девчата Москвы, Ленинграда, Ташкента, Киева, Комсомольска-на-Амуре? Он не был «свадебным генералом» на этих собраниях, почетным дарителем автографов. Он был учителем, товарищем. Ему верили. Понимали: когда он говорит о работе — это серьезно, он всю жизнь в труде. Когда он говорит о смелости — он имеет на это право, первый взглянувший в глаза бездне. Если он говорит об учебе — значит это нужно: даже он, во всем ореоле своей вселенской славы, корпит над учебниками, волнуется перед экзаменами и после экзаменов, когда протягивает зачетку своим профессорам.

Он напитывал своих слушателей энергией и оптимизмом, не скрывая трудностей, пресекал нытье, учил бороться, верил в успех и заражал этой верой всех вокруг себя. Он преподавал трудный предмет — активное отношение к жизни. Поэтому его можно назвать учителем.

Гагарин сначала облетел, а потом объехал весь шар земной. Его называли «послом мира». Он был еще и послом молодежи, чрезвычайным и полномочным послом комсомола.

Год 1962-й. Всемирный фестиваль молодежи в Хельсинки. Сотни встреч, десятки речей. Он говорил о мире на Земле, потому что он видел, как она красива вся, все ее океаны и материки. Оттуда, из космоса, неразличимы государственные границы, оттуда планета видится просто большим и прекрасным человеческим домом, и все честные люди ответственны за мир и порядок в нем.

Одна из последних поездок с делегацией ЦК ВЛКСМ — Париж. Полчаса бушует в зале радостный ураган, полчаса, скандируя его имя, не дают ему говорить французские ребята и девчата. Он успокаивает зал и рассказывает о нашей стране, о молодежи, о комсомоле. Слушают. Тихо совсем. Он хорошо умел рассказывать...

Не раз за рубежом старались сбить его вопросом, поставить в неловкое положение, припереть к стене. Не знаю ни одного случая, когда бы это удавалось сделать. Потому что он был прежде всего убежденным, знающим человеком. И он был поразительно находчив, развивал всячески в себе это качество, понимая его не только как средство защиты, но и как оружие нападения. И часто именно те, кто хотел посадить его в лужу, «намокали» сами.

В Японии — прелестные игрушки. Гагарин пошел в магазин и купил подарки своим дочкам. Вечером — пресс-конференция. Среди множества вопросов — совсем неожиданный с «подковыркой»:

— Нам известно, мистер Гагарин, что вы везете домой детские игрушки. Неужели даже ваши дети, дети первого в мире космонавта, не могут иметь в Советском Союзе хорошие игрушки?

В вопросе уже не скрытый, совсем явный подтекст: вот, мол, в Советском Союзе даже игрушек нет. Кукла приобретает густую политическую окраску.

— Я всегда привожу подарки моим дочкам, — сказал с улыбкой Гагарин. — Мне очень хотелось сделать им на этот раз сюрприз: привезти японские куклы. Очень жаль, что вы заговорили о моей покупке. Завтра об этом напишут в газетах и, возможно, даже узнают в Москве. Сюрприза не будет. Вы испортили радость двум маленьким девочкам.

Гул в зале. Тот одобрительный журналистский гул, когда ответ попадает точно в цель. На таких дуэлях он был снайпером.

А ЛЮДИ все идут и идут к его бюсту на аллее Космонавтов, все растет и растет яркая горка цветов у его подножия, и застыл в ушах тихий шепот старушки: «Что же ты наделал, сынок...». Я стою, смотрю на его молодое, открытое лицо и стараюсь вспомнить все встречи с ним. А мысли бегут, рассыпаются, никак не можешь сосредоточиться. Где-то далеко пронзительно звенит — погиб...

И вспоминаются какие-то неважные пустяки, какие-то малюсенькие камешки из мозаики его портрета...

Крым, Форос, сентябрь 1961 года. Я спускался к морю от дачи Горького и из-за деревьев еще издали заметил теннисный корт и быстрые фигурки на нем. Он, помню, играл без майки, в коротких белых трусиках. Крепкий, ладненький, какой-то хорошо подогнанный весь. Он играл с большим азартом и при всяком ударе издавал резкий, но тихий шипящий звук, как бы быстро выдыхал воздух. И удары оттого, что он так помогал себе, тоже становились резче. Он очень старался, как говорят, выкладывался, носился по площадке со всех ног, но проиграл. Крутя в руках ракетку, подошел, весь еще в азарте игры, еще не отдышавшийся, с дорожками пота на блестящей спине, и предложил:

— Сыграем?

Он хотел победы.

Потом мы ездили в Севастополь: Гагарина пригласили к себе моряки-черноморцы. На обратном пути он, веселый, сидел в автобусе сзади, рядом с Георгием Мосоловым, и они пели шуточную космодромную:

— Заправлены ракеты, конечно, не водою...

Рядом со мной тихо, для себя подпевал Герман Титов. Много тогда пропели разных веселых песен, и все — с посвистом, с озорной удалью.

Автобус неожиданно повернул, и все увидели за окнами Сапун-гору, где лежит в могиле целая наша армия. Мы вышли из машины, пошли к панораме. Гагарин пристально смотрел на памятник, и вся его веселость разом исчезла, лицо стало вдруг очень серьезным, непохожим даже, а глаза — темными, скорбными. Он молча осмотрел панораму и не задавал никаких вопросов экскурсоводу. Потом подсел к столику с книгой отзывов, быстро стал писать. Герман стоял над ним, смотрел через плечо. Опять сели в автобус. Всю дорогу до самого Фороса Гагарин молчал.

В Крыму у Гагарина была лодка «Восток», а у Титова — «Восток-2». Гагарин поехал кататься, поплыл в море, а тут ветер с берега. Его стало сносить. Греб что есть силы, выбрался на берег в двух километрах от пристани, мокрый, веселый, с волдырями на ладонях. Герман промолчал тогда, но взглядом осудил...

Помню, как маленькой группой работников ЦК комсомола и газеты мы приехали в гости к Гагариным. Он водил нас по городку, показывал новую школу, в ней — спортзал, живой уголок и все успокаивал завуча:

— Я обязательно позвоню академику Цицину в Ботанический сад, попрошу для вас разных кактусов, всякой интересной зелени. Позвоню, обещаю...

Он всегда что-то «пробивал», за кого-то хлопотал: не умел отказывать. А люди шли к нему, знали: его любят, для него сделают...

Вечером ужинали в новой квартире, по-домашнему, на кухне. Вдруг он сорвался, побежал, закричал уже откуда-то из дальней комнаты:

— Забыл! Ведь сегодня такой хоккей!

И уже тащил на кухню телевизор, торопливо устанавливал, вытягивал стебель антенны. Успокоился только тогда, когда всплыли на экране квадратные фигурки в шлемах. Смотрел долго, потом, не отрывая от телевизора глаз, сказал восхищенно:

— Замечательная игра!

Хоккей не мог ему не нравиться. Эта игра в его духе: напор, хитрость, быстрота. Он сам играл в баскетбол, даже был капитаном — самый низенький во всей команде. Раз выбрали капитаном — значит, был ловчее высоких.

И последняя наша встреча. Станция дальней космической радиосвязи. Финиш знаменитой «Венеры-4». Передал в газету репортаж, выхожу на улицу. У «Волги» стоит Гагарин:

— И ты тут! Привет. Говорил с Москвой? Я тут читал тебя... — Заговорил о новых книгах, о фильмах. Что он говорил? Не записал, теперь не помню. — Я в 305-м. Заходи вечером...

Сел в «Волгу».

Вечером я постучался в 305-й номер.

— Их нет, — сказала коридорная проникновенно, — не приехали...

Я заметил у нее на столике приготовленные для автографов открытки.

...Никогда не думал, что не увижу больше Гагарина.

КАКАЯ-ТО нелепая мысль все время лезет в голову, все думаю: вот если бы знать, что откажет этот проклятый самолет, позвонить, предупредить, удержать, не пустить...

В мае 1963 года он писал в «Комсомольской правде»: «Во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях». Разве можно лишить человека счастья? Ведь не памятник — живой человек. Не хотел быть памятником.

Только вернулся из космоса, сразу сказал:

— Летать мне понравилось.

В первом же интервью на Волге, накануне московской встречи, говорил журналистам совсем серьезно, твердо веря сам себе:

— Мои планы на будущее такие: я хочу посвятить свою жизнь, свою работу, свои мысли и чувства новой науке, занимающейся завоеванием космического пространства. Мне хочется побывать на Венере, увидеть, что находится под ее облаками, увидеть Марс и самому убедиться, есть ли на нем каналы. Луна — не такой уж далекий наш сосед. Я думаю, не так долго нам придется ждать, чтобы лететь к Луне и на Луну.

Просто ждать он не хотел. Он хотел работать ежедневно, пусть помалу, но непрерывно превращать будущее в настоящее, приближать сроки своих планов, подгонять историю. Иначе он не мог. Не имел права. Он принадлежал к партии коммунистов.

ВСЕ идет народ к бюсту, все несут цветы и стоят, глядя на него. Он теперь навсегда останется молодым. И для современников, и для потомков. Меньше месяца назад исполнилось ему 34 года. Короткая и яркая, как молния, была жизнь.

Я. ГОЛОВАНОВ.

В праздник на Красной площади.

12 апреля 1961 года. Настал его звездный час. Через несколько минут он крикнет: «Поехали!».

После полета «Востока». Ю. А. ГАГАРИН и С. П. КОРОЛЕВ. Первый космонавт был любимцем академика.

Год 1962-й. На Всемирном фестивале молодежи в Хельсинки.

13 апреля 1961 года.

Погода сегодня

Мурманская область: мокрый снег, температура около 0 градусов.

Калининградская, Ленинградская области, республики Прибалтики: переменная облачность, кратковременные дожди, плюс 5—10.

Белоруссия, юг центрального района европейской территории Союза: без осадков, плюс 9—14.

Украина, Молдавия, Ростовская область, Краснодарский, Ставропольский края: сухо, плюс 15—20.

Черноморское побережье Кавказа: плюс 11—16, без осадков.

Москва и Московская область: переменная облачность, небольшой дождь, ветер западный, умеренный, плюс 8—10.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

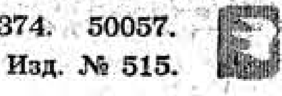
НАШ АДРЕС: Москва, А-47, улица «Правды», 24, 6-й этаж.

Телефоны для справок 53-30-56, 53-37-47, отдел писем 53-36-26, приемная отдела писем 50-44-60.

Цена одного экз. — 2 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина

Б 00374. 50057.

Изд. № 515.